

Искусство друзей

(К гастролям русского драматического театра г. Дзауджикау в г. Нальчике)

Навечно, по-сталински сдружились две соседние автономные республики — Кабарда и Северная Осетия, и язык искусства стал одним из главнейших средств общения между ними. Основа этого дружеского общения глубоко народна: ежегодно тепло и радушно принимали широкие массы трудящихся двух республик объемные выступления художественной самодеятельности и были неотъемлемыми и желанными гостями друг у друга на праздничных вечерах.

В этом году сделан новый шаг, положивший начало обмена опытом между профессиональными коллективами: состоялся спектакль русской труппы Кабардинского госдрамтеатра — в городе Дзауджикау и русского драматического театра г. Дзауджикау — в Нальчике.

С понятным интересом ожидали встречи и актеры Северной Осетии, и зрители Кабарды. С первого же действия драмы братьев Тур «Третья молодость», которой открылись гастроли наших друзей, почувствовался тот счастливый контакт между сценой и зрительным залом, который всегда предопределяет успех спектакля.

Углубленная творческая работа заслуженного артиста РСФСР режиссера Л. М. Меерсона и всего коллектива театра над этой содержательной и остро-конфликтной пьесой была по достоинству оценена зрителями. Правда жизни звучала со сцены, воскрешая обстановку недавней напряженной борьбы передовых советских биологов с последователями лженаучного, реакционного направления в биологии.

Надолго запомнятся нальчанам мастерски созданные образы передового представителя советской науки коммуниста профессора Снежинской в исполнении артистки Т. В. Петровой; заблуждающегося, но честного академика Евланова, роль которого искренне, с душевным волнением провел заслуженный артист Казахской ССР М. М. Саидро-Новиков. Пример острого, сатирического обобщения показал артист В. И. Воронцов в роли оппортуниста и честолюбца Ломкарева.

Просто, убедительно подавался спектакль. Никакой «игры в публику», никакой погоня за внешними эффектами не заметил бы самый придирчивый глаз. Именно поэтому монолог Снежинской у портрета Иосифа Виссарионовича Сталина даже не казался унылой и сердечной находкой режиссера, а как бы родился сам собой. Чувствовалось, что в эти минуты тяжелый переживания только так, глядя в лицо любимого вождя и друга, можно выразить свое душевное смятение. И так понятно, что в этом простом монологе, похожем на задушевную беседу с самым близким человеком, вновь укрепляется в большой, но внутренне сильной женщине воля к борьбе и уверенность в победе.

Многолетняя борьба с апологетами реакционного течения, проникшего в советскую науку, заканчивается полной победой профессора Снежинской, поддержанной партией и Советскими властями. Трудно даже понять, кому и чему аплодирует зрительный зал: радости этой победы, достигнутой в тяжелой и упорной борьбе, артистам, так просто и извольнованно раскрывшим яркий кусок большой и многогранной жизни со-

ветского общества, мастерству режиссера или нашей советской драматургии, выросшей до создания хороших, остро-конфликтных произведений. Вернее — всему вместе.

Две другие пьесы прошли в той же дружеской обстановке, при переполненном зале, исполнение их было также отмечено сценической слаженностью, режиссерским мастерством, актерским подъемом.

Комедия Кальдерона «Дана-невидимка» все время шла под заразительный смех зрителей. Режиссеры спектакля — заслуженный артист Северо-Осетинской АССР Л. А. Кондырев и Ф. Г. Сакалс много и плодотворно поработали над тем, чтобы создать правдивое и веселое сценическое действие, а художник В. М. Демура очень реалистично и ярко разрешил декоративное оформление.

Справедливость требует отметить, что постановка комедии А. Н. Островского «Невольницы» оказалась слабее первых двух спектаклей. До восьмого явления третьего действия пьесы идет в водевильном плане. Такую окраску сообщает постановке главным образом неверная трактовка роли Евлании. Правда, в черновом автографе Островского указывается на «глупость безумных порывов» Евлании, на «глупую ревность» и т. д. Но тут же великий русский драматург добавляет: «Все это надо сделать как можно реальное, в этом вся суть пьесы...». Конечно, ума, а тем более жизненного опыта, у этой молодой женщины, до 25 лет не выходящей из-под власти ограниченной матери, немного. Но это вовсе не значит, что Евлания должна вести себя, как водевильная субретка. Лишь начиная от сцены с экономкой, Б. М. Снегина (артистка, безусловно, умная и тонкая) переходит к правильной трактовке роли. С этого момента и до конца пьесы на Евланию обрушивается неумолимая и непримиримая правда жизни, сокрушающая все надуманные «идеалы» молодой женщины. Контраст в рисунке роли, безусловно, необходим, но он должен быть выражен по Островскому глубоко психологически, а никак не в двух совершенно противоположных планах трактовки сценического образа.

Неверная окраска роли героини повлияла на сценическое поведение некоторых других исполнителей. Артист С. Б. Рабинов, например, обладающий очень ценными сценическими данными и в общем интересно сделавший свою роль, вынужден был вместе «старика умного и по уму доброго», как определял сам Островский Стирова — мужа Евлании, иногда превращаться в какого-то барина, превосходящего цинизмом даже подлинного циника по пьесе — Коблова.

Друзьями и настоящими творческими работниками можно и нужно говорить правду как хорошую, так и горькую. Таким моральным установкам советского общества. Критические замечания по постановке комедии «Невольницы» отнюдь не должны сколько-нибудь поколебать наших гостей в справедливом ощущении, что их гастроли искренне порадовали трудящихся Нальчика.

Остается только пожелать, чтобы театральное искусство Северной Осетии чаще демонстрировалось в Кабарде.

Е. ШУШАЛЕВА.